

DOI: 10.31857/S086919080025213-1

## «Я ПОСТАВИЛ ЦАРСТВО НА СВОЕ МЕСТО»: ИДЕЯ ЗАКОНОПОРЯДКА В АХЕМЕНИДСКОЙ ИМПЕРИИ<sup>1</sup>

© 2023

А.С. ИСАКОВА <sup>a</sup>, Э.В. РУНГ <sup>b</sup>,<sup>a, b</sup> – Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия<sup>a</sup> – ORCID: 0000-0001-6380-7643; ailin.isakova@yandex.ru<sup>b</sup> – ORCID: 0000-0002-4200-4486; eduard\_rung@mail.ru

**Резюме:** В статье предполагается рассмотреть проблемы отождествления термина «закон» в империи Ахеменидов, выраженного словом *dāta*-, с идеологическим концептом «порядка», метафорически обозначаемого словом *gādi*-. Прежде всего, обстоятельно рассматривается слово *gādi*-, которое обозначает не только имперский миропорядок, но также и царский трон, таким образом, являясь визуальным воплощением царственности. В древнеперсидских царских надписях выражение «я поставил на место» часто используется в текстах, когда речь идет о восстановлении политической стабильности после череды восстаний и неурядиц. Возвращение «на прежнее место» царства, очевидно, мыслилось как восстановление власти Ахеменидов над всей Персидской империей, а народа – как возвращение ему имущества. Заявление о том, что Дарий «поставил на прежнее место» царский дом, могло означать, что он восстановил порядок в наследовании престола, устранив мага Гаумату, которому этот престол достался, по мнению царя, не по праву. Наконец, «возвращение на место» мятежной сатрапии означало усмирение этого восстания. И если в эламских версиях ахеменидских надписей слово *kat* в значении «место» является, скорее всего, калькой древнеперсидского *gādi*-, то аккадское слово *aṣru* в вавилонских версиях имеет свою собственную традицию употребления еще в доахеменидский период в надписях из региона Месопотамии. В этом случае истоки идеологии «возвращения на место» восходят к шумерской культуре. Что касается термина *dāta*-, то он относится не только к судебнo-административному положению дел в Ахеменидской империи, но также отражает религиозные и политико-идеологические представления Ахеменидов, в том числе, и связанные с восприятием ими идеи справедливости.

**Ключевые слова:** Персия, Ахемениды, Дарий I, Ксеркс, закон, порядок.

**Для цитирования:** Исакова А.С., Рунг Э.В. «Я поставил царство на свое место»: законопорядка в Ахеменидской империи. *Восток (Oriens)*. 2023. № 3. С. 45–59. DOI: 10.31857/S086919080025213-1

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-28-01562 «Правовая система Персидской империи Ахеменидов»).

# “I PUT THE KINGDOM IN ITS PLACE”: THE IDEA OF LAW AND ORDER IN THE ACHAEMENID EMPIRE

© 2023

Alina S. ISAKOVA <sup>a</sup>, Eduard V. RUNG <sup>b</sup><sup>a, b</sup> – Kazan Federal University, Kazan, Russia<sup>a</sup> – ORCID: 0000-0001-6380-7643; ailin.isakova@yandex.ru<sup>b</sup> – ORCID: 0000-0002-4200-4486; eduard\_rung@mail.ru

**Abstract:** *The article aims to look into the problem of correlating the concept of “law” in the Achaemenid Empire, expressed by the word *dāta-*, with the ideological concept of “order”, metaphorically denoted by the word *gādu-*, i.e. “place”. The article examines in detail the word *gādu-*, which denotes not only the imperial world order, but also the royal throne. In Old Persian royal inscriptions, the expression “I put something in its place” is often used in texts that testify of the restoration of political stability after a series of uprisings and turmoil. The return of the kingdom “to its original place” was obviously thought of as restoration of the Achaemenids’ power over the entire Persian Empire, and in relation to the people – as return of their property. The statement that Darius “put the royal house in its original place” could mean that he restored correct order in the succession to the throne, removing Gaumata the Magus. If in the Elamite version of the Achaemenid inscriptions the word *kat* in the meaning of “place” was a loanword from the Old Persian *gādu-*, in the Babylonian version the Akkadian word *ašru* has its own tradition of use dating back to as early as the pre-Achaemenid period, as found in inscriptions from the Mesopotamian region. As for the term *dāta-*, it refers not only to the judicial and administrative state of affairs in the Achaemenid Empire, but also reflects the religious and political-ideological ideas of the Achaemenids, including those related to their perception of the idea of justice.*

**Keywords:** Persia, Achaemenids, Darius I, Xerxes, law, order.

**For citation:** Isakova A.S., Rung E.V. “I Put the Kingdom in its Place”: the Idea of Law and Order in the Achaemenid Empire. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 3. Pp. 45–59. DOI: 10.31857/S086919080025213-1

Данная статья рассматривает проблему соотношения понятия «закон» в империи Ахеменидов, выраженного словом *dāta-*, с идеологическим концептом «порядка», метафорически обозначаемого словом *gādu-*, то есть «место». Во всем корпусе древнеперсидских надписей оба слова, *gādu-* и *dāta-*, фигурируют в едином смысловом контексте лишь в строительной надписи Дария I из Суз. Во фрагменте этого текста (DSe. §5) отмечается:

*ṡāti Dārayava.us̥ xšāyaθiya: vasaj, taya duškr̥tam āha, ava naiḡbam akunavam; dahyāva ayaṡda; aniya aniyam aja; ava adam akunavam vašnā A.uramazdāhā, yaθā aniya aniyam nai janti cinā, gāḡavā kašciy asti; dātam, taya manā, hacā avanā tr̥santi, yaθā haya taviyā tayam skaṡḡim nai janti nai vīmardati<sup>2</sup>.*

<sup>2</sup> Нормализация надписи приводится по изданию: [Schmitt, 2009, S. 125–126]. Издание данного текста с клинописью и транслитерацией см.: [Steve, 1987, p. 56–59]. Надпись плохо сохранилась, поэтому для точности приведем транслитерацию сткк. 30–41: <sup>1</sup>ḡ-[a-t-i-y : d-a-r-y-v-š̥ : XŠ̥ : v-s-i-y : t]-y : d<sup>u</sup>-u-š̥-[k-r-t-m : a-h-a-v : n-i-b-m : a]-[k<sup>u</sup>-n-[v-m] : d-h-y-a-v [ : a-y-u-d] : a-n-i-y [ : a-n-i]-[y<sup>1</sup>-m : a-j : a-v : <sup>1</sup>a<sup>1</sup>-k<sup>u</sup>-u-n-v-m [ : v-š̥-n-a : a-u-r-m-z-d-h-a : y-θ-a : <sup>1</sup>a<sup>1</sup>-[n-i-y : a]-n-i-y-m : n-i-y : j-t-i-y : c-i-[n-a : g-a]-ḡ-v-a : k-š̥-c-i-y : a-s-t-i-y : d-[a-t-m : t]-y : m-n-a : h-c-a : a-v-n-a :

Говорит Дарий царь: Много плохого было сделано, это хорошее я сделал; страны были в смятении<sup>3</sup>; один (человек) с другим сражался; это я сделал по воле Ахурамазды, чтобы какой-либо один (человек) с другим не сражался, но каждый был *на месте*<sup>4</sup>; моего закона впредь боялись<sup>5</sup>, так что сильный со слабым не сражался, и не уничтожал его<sup>6</sup>.

Надпись из Суз свидетельствует о некоей междоусобице в Ахеменидской империи, прекращенной Дарием I. Точно определить те исторические события, на которые ссылается надпись, не представляется возможным, но поскольку в ней речь не идет о восстаниях против царя, а о войне одних стран с другими, то этими событиями вряд ли были те, которые произошли после воцарения Дария I в 522 г. до н.э. и обстоятельно описаны в Бехистунской надписи. Поэтому речь может идти скорее о впервые засвидетельствованной междоусобице сатрапов<sup>7</sup>. Вследствие же этого умиротворения своей империи Дарий I восстановил прежний порядок (*gādu-*) и власть закона (*dāta-*).

### «ПОРЯДОК» В АХЕМЕНИДСКОЙ ИМПЕРИИ

Царские надписи неоднократно употребляют выражение «я поставил на место», в котором древнеперсидское слово *gādu-* обозначает «место». Это слово происходит от индоиранского корня *gā-*, «идти» [Mayrhofer, 1992, S. 482].

t-r-[s-t-i-y] : y-θ-a : h-y : t-u-v<sup>1</sup>-i-y-a : t-y-m : [s]-k-u-θ-i-m : n-i-y : j-t-i-[y : n]-i-y <sup>1</sup>v<sup>1</sup>-i-m-r-d-t-i-y.

<sup>3</sup> Глагол *ayauda* («были в волнении», «волновались», «бурлили», «восставали»: [Меликов, 2013, с. 236; cf. Schmitt, 2014, S. 292: *yaud-*: in Aufruhr sein]) восстанавливается с учетом контекста. Вавилонская версия надписи Дария I из Суз (DSe. Akk. 24), думается, сообщает о том, что страны сражались друг с другом, но эта строка текста сильно разрушена, поэтому можно разобрать только: «... страны, которые друг с другом ...» (KUR.KUR.MEŠ *šā a-ha-a-meš*).

<sup>4</sup> Стк. 37 восстанавливается следующим образом: [g-a]-θ-v-a : k-š-c-i-y : a-s-t-i-y (DSe. §5). Перевод Р. Кента с древнеперсидского не вполне корректен: "I in his place each one put" [Kent, 1934, p. 44]. Более точен здесь перевод Р. Шмитта: "(Sondern) jeder an seinem Platz ist" [Schmitt, 2009, S. 126]. В вавилонской версии надписи (стк. 27) читаем: «(Всакий) человек [в мес]те своем жил»: *a-me-lu [i-na āš]-ri-šū ū-šī-bi*. Р. Кент переводит: «Each one in his place I settled» [Kent, 1934, p. 49]. М.-Ж. Стив в разных изданиях надписи дает различные переводы: "Je remis chacun en sa place" [Steve, 1973–1974, p. 23] и "je réinstallai chacun en son pays" [Steve, 1987, p. 62]. Аналогичен последнему перевод Ф. Валла: "I reinstalled each in their own country" [Vallat, 2010, p. 283]. С учетом древнеперсидской версии текста «на месте» не может означать «в своей стране», так как слово *gādu-* никогда не встречается в значении «страна». Таким образом, «на месте» (то есть в надлежащем порядке), по воле царя Дария, должен был оказаться каждый человек в Ахеменидской империи.

<sup>5</sup> В выражении d-[a-t-m] : t-y : m-n-a : h-c-a : a-v-n-a : t-r-[s-t-i]-y от слова *dātam* в стк. 37 (frg. 9) сохранился только один слоговый знак da- [Steve, 1987, p. 58], однако в вавилонской версии той же надписи в стк. 28 (frg. 001) прочитывается: «... и перед лицом моих законов они испытывали страх» или «и в отношении моих законов они проявляли почтение» (*ū la-pa-ni di-na-ti-ia at-tu-ū-a [pa-li-ḫu]-u*) [Steve, 1973–1974, p. 22; 1987, p. 61]. Ср. варианты переводов: "... and before my law, of me, they were restrained" [Kent, 1934, p. 49]; "... et, en présence de mes décisions, ils les respectèrent" [Steve, 1987, p. 62]; "... presented with my decisions, they respected" [Vallat, 2010, p. 283].

<sup>6</sup> Б. Линкольн полагает, что в этом тексте противопоставляется состояние спокойствия и умиротворения, выраженное существительным в локативе *gādavā*, что значит «на месте», с состоянием нестабильности, описываемым глаголом *yaud-*, и означающем «бурлить», «быть в смятении», «восставать» [Lincoln, 2012, p. 143].

<sup>7</sup> Намек на это обстоятельство содержится во фразе: «Сильный со слабым не сражался и не уничтожал его» (*taviyā tayam skaḫdim nai janti nai vīnardati*). В вавилонской версии текста дается: «Сильный человек слабого не убивал и не причинял зла» (*LÚ kab-tu a-na LÚ muš-ki-na la i-du-uk-ku ū la i-ḫa-ab-bi-lu*) [Steve, 1987, p. 61]. Эта фраза, казалось бы, предполагает, что царь здесь выступал защитником «слабых», как это мы чаще всего наблюдаем в законодательных актах правителей Месопотамии [Westbrook, 2003, p. 26], однако контекст здесь совершенно отличен, а, кроме того, согласно второй Накше-Рустамской надписи, Дарий стремился не занимать в конфликте чью-либо сторону, но стоять на позиции арбитра, защищая слабых от сильных и сильных от слабых (DNb. §2a).

В Авесте и древнеперсидских текстах *gātu-/gādu-* употребляется в значении «место» [Bartholomae, 1904, S. 517–519]. В авестийском *gātu* означает «место», иногда «определённое место», «место для отдыха, лежания, сидения, ложе»; в древнеперсидском *gādu-* имеет значение «место», однако используется также в контексте «место для стояния, платформа», «трон»<sup>8</sup>. В целом ряде ахеменидских царских надписей слово *gādu-* может являться метафорой, обозначающей «имперский миропорядок».

Выражение «я поставил на место» часто используется в тех текстах, где говорится о восстановлении политической стабильности после череды восстаний и неурядиц. Так, в частности, в Бехистунской надписи Дарий сообщает о событиях, произошедших после свержения мага Гауматы (DB. §14):

*ḡāti Dārayava.uš xšāyaθiya: xšaçaṃ, taya hacā amāxam taumāyā parābrtam āha, ava adam patipadam akunavam; adamšim ḡāḡavā avāstāyam; yaḡā paruvamci, avaḡā adam akunavam āyadanā, tayā ḡaumāta haya maguš viyaka; adam niyaçaārayam kārahyā ābicaṛiṣ ḡaiḡāmcā māniyamcā viḡbišcā, tayādiṣ ḡaumāta haya maguš adīnā; adam kāram ḡāḡavā avāstāyam Pārsamcā Mādamcā utā aniya dahiya; yaḡā paruvamci, avaḡā adam, taya parābrtam, patiyābaram; vašnā A.uramazdāha ima adam akunavam; adam hamataxšaṛ, yātā viḡam tayām amāxam ḡāḡavā avāstāyam, yaḡā paruvamci; avaḡā adam hamataxšaṛ vašnā A.uramazdāha, yaḡā ḡaumāta haya maguš viḡam tayām amāxam nai parābara*<sup>9</sup>.

Говорит Дарий царь: Царство, которое у нашей семьи было отобрано, я его восстановил, я его *на место* поставил; как было прежде я сделал (восстановил) святилища, которые маг Гаумата разрушил; я вернул народу пастбища, и скот, и домашних рабов, и дома, которых его Гаумата маг лишил; я народ *на место* поставил, и Персию, и Мидию, и другие страны; как было прежде, я, что было отнято, вернул обратно; милостью Ахурамазды это я сделал; я добился того, что наш царский дом *на место* поставил, как было прежде; так что я добился того, по воле Ахурамазды, чтобы Гаумата маг наш царский дом не отобрал.

Помещение «*на место, как было прежде*» царства, очевидно, мыслилось как восстановление власти Ахеменидов над всей Персидской империей, а народа – как возвращение ему имущества (пастбищ, скота, рабов и недвижимости), о чем свидетельствует приведенный выше отрывок. Заявление о том, что Дарий «поставил *на место*» царский дом могло означать, что он восстановил порядок в наследовании престола, устранив мага Гаумату, кому этот престол достался, по мнению царя, не по праву. В Накше-Рустамской надписи сообщается о помещении Дарием *на место* охваченной волнениями своей страны (DNa. §4):

*ḡāti Dārayava.uš xšāyaθiya: A.uramazdā, yaḡā avaiṇa imām būmīm yaḡdantīm, pasāvadim manā frābara; mām xšāyaθiyam akunauš; adam xšāyaθiya ami; vanā A.uramazdāhā adamšim ḡāḡavā niyašādayam*<sup>10</sup>.

Говорит Дарий царь: Ахурамазда, когда увидел эту землю в смятении, предоставил ее мне; сделал меня царем; я царь; по воле Ахурамазды я ее *на место* поместил.

<sup>8</sup> ЭСИЯ, 3, 2007, с. 269–270; Boyse, 2000; Ср.: Лашкарбеков, 2014, с. 58. Р. Шмитт говорит только о значениях слова *gādu-*: «место, трон (подиум для трона)» [Schmitt, 2014, p. 181].

<sup>9</sup> Здесь и далее нормализация текста Бехистунской надписи приводится по изданию: [Schmitt, 1991].

<sup>10</sup> Здесь и далее нормализация текста Накше-Рустамских надписей (DNa, DNb) и Антидэвовской надписи (XPh) приводится по изданию: [Schmitt, 2000].

В Антидэвовской надписи Ксеркса говорится о низведении *на место* мятежной сатрапии (XPh. §4a):

*ḡāti Xšāyāršā xšāyaθiya: yaḡā taya adam xšāyaθiya abavam, asti antar aitā dahyāva, tayaḡ upari nipištā, ayaḡda; pasāvamaḡ A.uramazdā upastām abara, vašnā A.uramazdahā avām dahyāvam adam ajanam utašim ḡāḡavā nīšādayam.*

Говорит Ксеркс царь: Когда я царем стал, одна из тех стран, которые выше были записаны, восстала; после этого Ахурамазда мне помог, по воле Ахурамазды эту страну я разгромил и ее *на место* низвел.

Итак, если Накше-Рустамская надпись сообщает о помещении *на место* охваченного волнениями всего царства, то Антидэвовская рассказывает о том, что Ксеркс поставил *на место* мятежную сатрапию. Из этих свидетельств становится очевидно, что слово *ḡāḡu-* в данных контекстах является идеологемой, обозначающей не просто «место», но, как это считает Ф. де Блуа [de Blois, 1995], «надлежащее место» (*proper place*), что, таким образом, может описывать «имперский миропорядок». Впрочем, метафоричность слова *ḡāḡu-* в значении «место» даже вне отсылок к «имперскому миропорядку» обнаруживается в надписях Дария I из Суз (DSe. §6) и Накше-Рустама (DNb. §8).

В строительной надписи Дария I из Суз, уже приведенной выше, восстанавливается следующее прочтение (DSe. §6): «Говорит Дарий царь: По воле Ахурамазды, многое из созданного, что прежде не *на месте* было создано, это я *на месте* сделал». Надпись сообщает о восстановлении разрушенной городской стены в Сузах, что также подтверждается и вавилонской версией текста (DSe. Akk. 31–35)<sup>11</sup>. В надписи же из Накше-Рустама царь следующим образом описывает свои качества правителя (DNb. §2g): «Моя мысль находится на месте» (*ušīyā ḡāḡavā hištanti*).

Вероятно, далеко не случайно, слово *ḡāḡu-* в древнеперсидском могло употребляться также в значении трона, подразумевая «царское место» или пьедестал с креслом, на котором восседает царь, и поэтому, в ряде случаев использовалось не только в буквальном, но и в переносном смысле – для обозначения места пребывания царя. Конечно, трон являлся не только непосредственным атрибутом царя, но и символом царской власти и даже царства в целом. В царских текстах *ḡāḡu-* означает трон как таковой лишь единожды, в Накше-Рустамской надписи (DNa. §4): «Когда ты подумаешь: сколь многочисленны были страны, которыми Дарий царь владел, то посмотри на рельефные фигуры, которые трон несут...» (*patikarā dīdi, tayaḡ ḡāḡum baranti*).

Изображение фигур, поддерживающих основание царского трона, – частый мотив, присутствующий на гробницах Ахеменидов в Накше-Рустаме и Персеполе, а также на других рельефах Персеполя, который, очевидно, символизирует царство, опирающееся на подданных империи<sup>12</sup>. Следует согласиться с наблюдением Б. Линкольна, что трон представлял «умиротворенный мир», очищенный и совершенный [Lincoln, 2012, p. 144]. На ахеменидских рельефах представлены различные народы с ярко выраженными этническими особенностями их одежды и вооружения, а на гробнице Дария их изображения сопровождаются также подписями. В «Гаремной надписи» Ксеркса слово *ḡāḡu-* может употребляться одновременно в значении и царского места, и трона. В тексте записано: «Когда мой отец Дарий ушел (в отведенное его судьбой) место (*ḡāḡavā ašiyava*), то, по

<sup>11</sup> См. транслитерацию и перевод: [Steve, 1987, p. 61–62].

<sup>12</sup> Об этом мотиве смотри подробнее: [Root, 1979, p. 153–161].

воле Ахурамазды, я стал царем на месте/троне моего отца (*adam xšāyaθiya abavam piça gāθavā*)» (Xpf. §4)<sup>13</sup>.

И если в эламских версиях ахеменидских надписей слово *kat* в значении «место» [Hallock, 1969, p. 712]<sup>14</sup> является, скорее всего, калькой древнеперсидского *gāθu-*, то в вавилонских версиях аккадское слово *ašru* имеет свою собственную традицию употребления еще в доахеменидский период в надписях из региона Месопотамии<sup>15</sup>.

В.В. Емельянов видит истоки идеологемы возвращения на место в шумерской культуре. Исследователь полагает, что в царских надписях и царских гимнах «возвращать на свое место» (*ki-bi-še<sub>3</sub> gi<sub>4</sub>*) можно: а) город; б) храм или любое другое строение; в) посвяtitельную стелу или пограничную стелу. По мнению В.В. Емельянова, «возвращение на свое место» означает прекращение неких деструктивных процессов, нарушающих мировой порядок, и восстановление этого порядка в пространственном и временном аспектах. В аккадской литературе существовала калька с шумерского оборота *ki-bi-še<sub>3</sub> gi<sub>4</sub>: ana ašrīšu târu* – «на свое место вернуть», причем, в большинстве случаев это аккадское выражение означало «восстанавливать (культовый объект)» [Емельянов, 2009, с. 60, 62]. Как раз в подобном значении о возвращении статуй богов в храмы и о восстановлении самих храмов говорится, например, в надписях Набонида [RINBE II: 3. 21'–24'; 16. ii 3–9, iii 23–26; 23. ii 2'–12'; 27. i 64–67a, iii 46–57; 28–29. ii 26–29].

В «Цилиндре Кира» (30–35) упоминается о восстановлении святилищ в Вавилоне после периода их запустения, вызванного предшествующей религиозной политикой Набонида:

В Ашшур и Сузы, Агаде, Эшнунну, Замбан, Ме-Турну, Дер вплоть до страны гутиев я вернул на свои места (*a-na āš-ri-šu-nu ú-tir-ma*) в [эти] священные города на той стороне Тигра, в святилища, которые в течение долгого времени были в руинах, богов, которые [прежде] жили там (пер. М.А. Дандамаева)<sup>16</sup>.

В отличие от упомянутых вавилонских текстов, в ахеменидских царских надписях, известных в переводе на аккадский язык, слово *ašru* как эквивалент *gāθu-* употреблялось

<sup>13</sup> В.И. Абаев дает следующий перевод этой части надписи: «Когда мой отец Дарий сошел с трона, по воле Ахурамазды я стал царем на троне отца» [ИДВТУД, 2002, с. 403]. Здесь исследователь следует переводу Р. Кента [Kent, 1950, p. 150]: “When my father Darius went away from the throne, by the will of Ahuramazda, I became king on my father’s throne”. Э. Герцфельд [Herzfeld, 1932, p. 6], *editor princeps* надписи, первоначально считал, что древнеперсидское выражение *yaθamaθ pitā Dārayava.uš gāθavā ašiyava* должно означать: «Когда мой отец Дарий сошел с трона». Исследователь интерпретировал его буквально и полагал, что оно обозначает отречение царя от престола. Однако после обнаружения вавилонской версии надписи, в которой на месте выражения *gāθavā ašiyava* древнеперсидской версии стоит аккадское *ina šmīt illiki* («отправился к своей судьбе»), Герцфельд пришел к выводу, что данное место надписи следует понимать не буквально, а фигурально – смерть царя [Herzfeld, 1938, S. 38]. Но при этом он полагал, что «гаремная надпись» содержит грамматическую ошибку, связанную с использованием локатива для слова *gāθu-* (*gāθavā*), поскольку в таком случае следовало бы переводить слово с предлогом «в», а не «с», для которого в древнеперсидском используется предлог *haca* с аблативом. Таким образом, первоначальное мнение Герцфельда, поддержанное также Кентом, что выражение *gāθavā ašiyava* означает «ушел с трона», встречает грамматические трудности. Более верным с точки зрения грамматики является перевод Р. Шмитта [Schmitt, 2000, p. 84]: «Когда мой отец Дарий отправился в свое (отведенное) место (в потусторонний мир), по милости Ахурамазды, я стал царем на месте отца» (“When my father Darius went to his (allotted) place (in the beyond), by the favour of Auramazdā, I became king in the father’s place”).

<sup>14</sup> Ф. де Блуа, однако, полагает, что слово *kat*, по крайней мере, в значении «трон», существовало уже в доахеменидском эламском [de Blois, 1995, p. 64].

<sup>15</sup> *CAD*, I, A, 2, p. 456, s. v. *ašru*: 1. ‘place, site, location, emplacement’; 2. ‘region, country, city, building complex, sacred place, cosmic locality’; 3. ‘In idiomatic expressions’. В числе последних в словаре называются глагольные идиомы, в которых *ašru* употребляется с глаголами *amāru*, *enū*, *nakāru*, *paḥāru*, *šakānu*, *tāru*, *uzuzzu* (p. 459).

<sup>16</sup> [ИДВТУД, 2002, с. 387]. См. транслитерацию: [Finkel, 2013; Schaudig, 2019, p. 17–21].

также в переносном смысле, в качестве метафоры, что мы наблюдаем в большинстве надписей на древнеперсидском языке<sup>17</sup>. В вавилонской версии Бехистунской надписи контексты употребления слова *ašru* полностью соответствуют контекстам употребления слова *gādu*-древнеперсидской версии: «Царство, которое у нашего рода он (то есть Гаумата маг) забрал, как было прежде, я вернул, на свое место я поставил»<sup>18</sup>; «я народ на его место поставил»<sup>19</sup>; «наш дом я на его место, как было прежде, поставил»<sup>20</sup> (DB. Akk. §13)<sup>21</sup>.

Однако *ašru*, в отличие от *gādu*-, не может переводиться как трон. Для этого в аккадском используется слово *kussû*, которое могло в некоторых случаях означать не только собственнотрон, кресло, но и господство, правление<sup>22</sup>. И хотя семантически оно расходилось с *ašru*, оба понятия могли являться переводом древнеперсидского слова *gādu*- в зависимости от контекста его применения. В вавилонской версии «Гаремной надписи» (XPf. Akk.) Ксеркса слово *gādu*- в первом случае вообще переводится метафорически как *šīmtu* («судьба», «назначение»)<sup>23</sup>, так что надпись просто отсылает к смерти царя Дария: «(После того как) мой отец Дарий отправился к судьбе...» (г а25)<sup>24</sup>. Во втором случае слово *gādu*- упоминается в контексте восшествия Ксеркса на престол: вавилонская версия надписи использует логограмму GIŠ.GU.ZA, обозначающую трон (по-аккадски *kussû*): «По милости Ахурамазды, я царем стал взамен своего отца на его троне» (г а26–28)<sup>25</sup>. Данное свидетельство предполагает, что в случае с упоминанием о восшествии Ксеркса на престол его отца Дария слово *gādu*- может переводиться на аккадский и как «трон», что свидетельствует в пользу метафоричности употребления слова в древнеперсидском.

Таким образом, контекст древнеперсидских надписей показывает, что выражение «я поставил на место» означает восстановление прежнего «имперского миропорядка», а слово *gādu*- («место») может выступать в качестве метафоры порядка вообще, и имперского миропорядка, в частности. Что предполагал собой этот «имперский миропорядок»? Думается, что Дарий I говорил о возвращении политической стабильности в своей империи, ассоциированной со следованием его подданными царскому закону (*dāta*-).

### «ЗАКОН» В АХЕМЕНИДСКОЙ ИМПЕРИИ

Начать следует с определений, которые дают различные авторы понятию *dāta*-. Так, Р. Шмитт определяет *dāta*- как древнеиранский термин, первоначально представляющий отглагольное прилагательное *dāta-m*, образованное от корня *dā*- – «устанавливать, разме-

<sup>17</sup> По мнению Э. Дэвиса, «в персидских надписях мы находим, что цари используют аккадский когнат *ašru* в аналогичных значениях» (we find kings using the Akkadian cognate *ašru* in analogous ways) [Davis, 2019, p. 143].

<sup>18</sup> LUGAL-u-tu šá la-pa-ni NUMUN-i-ni šu-ú iš-šu-ú lib-bu-ú 'pa'-na-as-<sup>1</sup>su<sup>1</sup> a-na-ku ul-te-<sup>1</sup>er-ri<sup>1</sup> ina āš-ri-šú ana-ku ul-ta-az-zi-iz.

<sup>19</sup> ana-ku ú-qu ina āš-ri-šú ul-ta-az-zi-iz.

<sup>20</sup> É at-tu-nu ina āš-ri-šú a-na-ku lib-bu-ú 'pa'-na-as-su ul-ta-az-zi-zu. Слово сочетание É at-tu-nu представляет собой неправильность с точки зрения вавилонского диалекта аккадского языка, в котором *attunu* переводится как «вы» (м.р.). Однако это отклонение от нормы может объясняться особенностями ахеменидского вавилонского (Malbran-Labat, 1994, p. 132: *attunu* – 'notre', 'nos').

<sup>21</sup> Транслитерацию и перевод вавилонской версии Бехистунской надписи см. по изданию: [Voigtlander, 1978].

<sup>22</sup> CAD, K, p. 588, s. v. *kussû*: 1. 'chair, sedan chair'; 2. 'throne', 3. 'rule, dominion, royal property and service'.

<sup>23</sup> CAD, Š, III, p. 11, s. v. *šīmtu*: 1. 'determined order, nature of things, divine decree'; 2. 'lot, portion, personal fate'; 3. (in idioms) 'death'; 4. 'legal disposition, will, testament'; 5. 'original amount, principal'.

<sup>24</sup> XPf. Akk. г а24–25: AD-ú-a "da-a-ri-ia-a-muš ina šī-im-it il-li-i-ki. Поэтому Р. Шмитт переводит фразу древнеперсидской надписи *gāḍavā ašiyava* как "went to his (allotted) place (in the beyond)" [Schmitt, 2000, p. 84], однако этот перевод всецело зависит от интерпретации вавилонской версии. Впрочем, возможно слово *šīmtu* («судьба; предназначение») в этом контексте может быть отождествлено со словом *gaḍu*- («место»).

<sup>25</sup> XPf. Akk. г а26–28: ina GIŠ.MI šá "a-hu-ru-ma-az-da-<sup>2</sup> a-na-ku a-na LUGAL at-tu-ru ku-mu AD-ia ina GIŠ.GU.ZA-šú.

щать». Он засвидетельствован как в авестийских текстах (Старшая и Младшая Авеста), так и в царских надписях Ахеменидов [Schmitt, 1994, p. 114–115]. Термин появляется также в эламском, аккадском и арамейском языках<sup>26</sup>. В соответствии же с «Этимологическим словарем иранских языков» В.С. Расторгуевой и Д.И. Эдельман, *dāta*- можно определить, как нечто «установленное, положенное» [ЭСИЯ, 2, с. 423]. Согласно словарям древнеперсидского языка Р. Кента и Р. Шмитта, *dāta*- переводится как «закон» [Kent, 1950, p. 189: ‘law’; Schmitt, 2014, S. 166: ‘Gesetz’]. По данным словаря Р. Меликова, слово *dāta*-представляет собой причастие ср. р., ед. ч. с основой *dāta*-, происходящее от корня *dā*-, которое означает «закон», «постановление», «указ», «приказ» [Меликов, 2013, с. 245]. Таким образом, большинство авторов словарей не принимают во внимание контексты употребления слова *dāta*-, но часто единодушны в его трактовке в качестве «закона»<sup>27</sup>. Однако повсеместно принятое обозначение *dāta*- как «закон» в переводах древнеперсидских текстов, выявленное в процессе изучения корпуса царских надписей, думается, не освещает все его возможные значения. Впрочем, в историографии предлагаются различные трактовки этого древнеперсидского термина, которые также расширяют его значение.

А. Олмстед трактовал *dāta*- как свод законов, который должен был действовать на территории всей империи [Olmstead, 1948, p. 119–120]. Это, в свою очередь, было оспорено М.А. Дандамаевым и В.Г. Лукониным, которые полагали, что *dāta*- — это «общий правовой порядок, установленный Ахеменидами», высказывая сомнения по поводу существования общегосударственного кодекса законов [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 128]. В поддержку данного мнения высказывается Р. Пирнгрубер [Pirngruber, 2021, p. 1088], полагая, что *dāta*- не относится к единому своду законов, как это было постулировано А. Олмстедом. Д. МакГиннис говорит о том, что Дарий I не создавал единый свод законов для всей империи, и что в данном случае речь идет об общем правовом порядке, установившемся в сатрапиях [MacGinnis, 2008, p. 96]. Согласно П. Бриану, термин *dāta*-, упоминаемый в царских надписях (DNa. §3, DSe. §4, XPh. §4d), отражает особую религиозно-политическую идеологию, а не судебную организацию общества, подчеркивая господство царя над странами и народами. Автор также отвергает существование общеимперского свода законов [Briant, 2002, p. 511]. Аналогичную позицию занимает Й. Визехёфер: по его мнению, *dāta*- — это «общий принцип, поддерживающий земной и космический порядок», под которым также подразумеваются обязательства всех подданных царя по повиновению, выплате дани и несению военной службы [Wiesehöfer, 2008, S. 200; 2013, p. 52]. Законным поведением со стороны подданных Й. Визехёфер считает поддержку царя и его усилий по обеспечению стабильности в правлении и в государстве в целом, противозаконным — нерасположение к правителю, нелояльность, следование лжи (*drauga*) и нанесение ущерба; законное же поведение со стороны правителя предполагает поддержание надлежавшего порядка и применение соответствующих мер в отношении тех, кто нарушает мир [Wiesehöfer, 2008, S. 192;

<sup>26</sup> Например, элам. *da-ad-da-um*, *da-at-tam*, *da-tam*, *da-ad-da(ma)*; вавил. *da-a-ta/ti/tu*, древне-евр. *dt*, библ. араб. *d't*, *dāt*. Об этом см. [Hallock, 1969, p. 681; Schmitt, 1994, p. 114; HALOT, 1994–2001, I, p. 234, s. v. *dāt*; II, p. 1856, s. v. *dāt*; Tavernier, 2007, p. 38].

<sup>27</sup> В вавилонской версии ахеменидских царских надписей древнеперсидское слово *data*-передается на аккадский как *dīnātu* во множественном числе (DB. Akk. §8, 51; DSe. Akk. 28), что обычно переводится как «законы» [Voigtlander, 1978, p. 54, 61] или «решения» [Steve, 1987, p. 62]. В словарной форме это слово *dīni* имеет правовые коннотации: «решение, вердикт, осуждение, наказание, судебная практика, закон, статья закона, судебный процесс, иск, суд». Cf. *CAD*, D, p. 150, s. v. *dīnu*: 1. ‘decision, verdict, judgment, punishment’; 2. ‘legal practice, law, article of law’; 3. ‘case, lawsuit’; 4. ‘claim (in the sense of justified claim)’; 5. ‘court (locality and procedure)’. Однако переводчик с древнеперсидского на аккадский мог вложить в слово *dāta*-, передавая его как *dīnātu*, такие коннотации, которые соответствовали правовым традициям Вавилона.

2013, р. 43]. Все это составляет идею, передаваемую царями: мирный порядок во всей империи, космический порядок Ахурамазды, которые возможны лишь при соблюдении *dāta*-.

Сам же термин *dāta*- употребляется в царских надписях всего шесть раз, из них четыре – в значении царского закона и дважды – непосредственно в значении божественного закона Ахурамазды<sup>28</sup>. В Бехистунской надписи (DB. §7–8) *dāta*- встречается в следующем контексте:

*ḡāti Dārayava.us xšāyaθiya: imā dahyāva, tayā manā patiyāiša, vašnā A.uramazdāha manā bandakā āhantā; manā bājim abarantā; tayašām hacāma aθanhya xšapavā raucapativā, ava akunavayantā.*

*ḡāti Dārayava.us xšāyaθiya: antar imā dahyāva – martiya, haya āgriya āha, avam ubartam abaram, haya arīka āha, avam ufrastam aparšam; vašnā Auramazdāha imā dahyāva tayanā manā dātā apariyāya; yaθāšām hacāma aθanhya, avaḡā akunavayantā.*

Говорит Дарий царь: Вот эти страны, которые перешли ко мне, по воле Ахурамазды, моими подданными они были; мою дань они несли; что я говорил им, днем или ночью, то они делали.

Говорит Дарий царь: Среди этих стран человек, – который верным был, его я хорошо вознаграждал, который враждебен был, его я хорошо наказывал; по воле Ахурамазды эти страны моему закону следовали; что я говорил, то они делали<sup>29</sup>.

В Накше-Рустамской надписи (DNa. §3) контекст аналогичен:

*ḡāti Dārayava.us xšāyaθiya: vašnā A.uramazdāhā, – imā dahyāva, tayā adam agrbāyam, apataram hacā Pārsā; adamšām patiyaxšaya; manā bājim abaraha; tayašām hacāma aθanhya, ava akunava; dātām, taya manā, – avadiš adāraiya.*

Говорит Дарий царь: По воле Ахурамазды, – вот эти страны, которые я захватил за пределами Персии; я ими управлял; мою дань они несли; что я им говорил, то они и делали; мой закон их удерживал.

Таким образом, в данных царских надписях «закон царя» ассоциируется с добросовестным исполнением подданными своих обязанностей: несения дани и выполнения непосредственных поручений царя. В надписи Дария I из Суз дважды упоминается слово *dātām*: в первом случае дословно воспроизводятся строки первой Накше-Рустамской надписи (DSe. §3 = DNa. §3), во второй раз – в контексте того, что страх подданных перед законом царя является причиной соблюдения ими порядка (DSe. §4).

Анализируя приведенный комплекс царских надписей, можно заметить, что *dāta*- используется только в единственном числе в отношении закона царя (DB. §8; DNa. §3; DNb. §9b; DSe. §3–4) и закона бога (XPh. §4d). Но что понималось под царским законом?

<sup>28</sup> Р. Кент предположил, что слово *dāta*- встречается еще один раз в сильно разрушенной части второй Накше-Рустамской надписи, которая содержит наставления Дария, вероятно, своему наследнику (DNb. §3b). Исследователь прочитывает в стк. 57–58 *mā taiy dātā* и восстанавливает контекст, в котором, по его мнению, употребляется *dāta*-, следующим образом: «Пусть не нарушается вами закон» [Kent, 1950, р. 140]. Однако теперь исследователи уже восстанавливают это слово в стк. 58 как *parāyātaya* [Schweiger, 1998, S. 76] или *patiyātaya* [Schmitt, 2000, р. 39]. Р. Шмитт так переводит *mā patiyātaya*: «не будь против» [Schmitt, 2000, р. 41].

<sup>29</sup> В вавилонской и эламской версиях Бехистунской надписи о царских законах сообщается уже дважды: в первом случае говорится о соблюдении законов царя в перечисленных странах (DB. Akk. §8; DB. El. §8); а во втором – что царь поступал согласно законам (DB. Akk. §51; DB. El. §51), и не причинял несправедливости ни сильному, ни слабому [King, Thompson, 1907, р. 148, 203; Voigtlander, 1978, р. 54, 61; Grilliot et al., 1993, р. 41, 58].

Определенно можно сказать, что это не кодекс законов, который в Ахеменидской империи попросту отсутствовал, и не конкретные царские указы. Под словом *dāta*- подразумевается тот общий правовой порядок, восстановление и поддержание которого мыслилось как «возвращение на прежнее место» и «пребывание на месте». Прежде всего, этот правовой порядок, как уже говорилось, включал несение повинностей и, в особенности, выполнение подданными повелений царя.

В царской идеологии Ахеменидов, выраженной в Бехистунской надписи, «ложь» (*drauga*) напрямую связана с восстанием против установленной законной власти (DB. §10, 54–55). По мнению П. Бриана, Дарий представляет себя как человека, который никогда не лгал и впредь не собирается нарушать этот принцип, ссылаясь на волю Ахурамазды (§56–58). Ложь (*drauga*) имплицитно противопоставляется истине (*rta*), и оба термина в равной степени относятся к политико-идеологической сфере [Briant, 2002, p. 125–126]. Представляется возможным допустить восприятие царской идеологией лжи как нарушения «закона», *dāta*-, а правда или справедливость, выраженные понятием *rta*, означали его соблюдение. Помощь бога царь объяснял тем, что следовал «справедливости» (DB. §63):

*Ṛāti Dārayava.us xšāyaθiya: avahyarādīmai A.uramazdā upastām abara utā aniyāha bagāha, tayaṭ hanti, yaθā nai arīka āham, nai draujana āham, nai zūrakara āham, nai adam najmā tautā, upari rštām upariyāyam; nai škaṇim, nai tunuvantam, zūra akunavam; martiya, haya hamataxšatā manā viθiyā, avam ubrtam abaram, haya viyanādaya, avam ufraštam aprsam.*

Говорит Дарий царь: Того ради Ахурамазда мне оказал помощь, и другие боги, которые существуют, что я не был враждебным, не был лжецом, не делал зла — ни я, ни моя семья, по справедливости я поступал, ни слабому, ни сильному не причинял зла, человеку, который приносил пользу царскому дому, тому я делал добро, кто причинял вред, того я хорошо наказывал.

Очевидно эта «справедливость» мыслилась древними иранцами как «законность», одобренная Ахурамаздой<sup>30</sup>. Поэтому деятельность царя воспринималась как отражение воли бога, который поощрял царя, если тот неукоснительно следовал его закону; это же обещает царь и своим подданным (XPh. §4d):

*avanā dātā parīdi, taya A.uramazdā niyaštāya; A.uramazdām yadaṭšā rtācā brazmaniya; martiya, haya avanā dātā pariyaṭta, taya A.uramazdā nīštāya utā A.uramazdām yadataṭ rtācā brazmaniya; haṇ utā jīva šiyāta bavati utā mṛta rtāvā bavati.*

Следуй тому закону, который Ахурамазда ниспослал; Ахурамазде и Арте молись в бразмани<sup>31</sup>; человек, который следовал закону, который Ахурамазда ниспослал и Ахурамазде молился и Арте в бразмани, тот и при жизни будет счастлив и после смерти будет в Арте.

<sup>30</sup> Особо примечательно, что древнеперсидское выражение в §63 Бехистунской надписи «по справедливости я поступал» (*upari rštām upariyāyam*) в параллельном тексте эламской и вавилонской версий надписи в §51 переводится: «по законам я действовал» (DB. El. §51; DB. Akk. §51: *ina di-na-a-tu a-se-eg-gu*).

<sup>31</sup> Р. Кент переводит это место надписи следующим образом: “Worship Ahuramazda and Arta reverent(ly)” [Kent, 1950, p. 132]. Р. Шмитт дает следующий перевод: “Worship Auramazdā at the proper time and in the proper ceremonial style” [Schmitt, 2000, p. 93]. Аналогичным образом переводит это место надписи П. Лекок: “Vénère Ahuramazdā, au moment prescrit et selon le rite” [Lecoq, 1997, p. 258]. Очевидно, что фраза *Auramazdām yadataṭ rtācā* должна переводиться: «Ахурамазде молись и Арте». Упоминание об Арте, наряду с Ахурамаздой, не лишено основания, поскольку подданные призываются к соблюдению «закона Ахурамазды», который, как и «закон царя», должен был соответствовать принципам справедливости, установленным в результате соблюдения Арты. Что касается *brazmaniya*, то можно согласиться с выводами М.Н. Боголюбова, что это слово является производным от *brazman-*, «об-

Так религия в Персии становится источником права. Сцена инвеституры, изображенная на рельефе в Бехистуне, показывает передачу царской власти, символически представленной в виде кольца<sup>32</sup>, Ахурамаздой царю Дарию I. И здесь подразумевалась не только высшая власть над землями, странами и народами, но и ее особый религиозный аспект. Политические и правовые действия не просто оправдывались, санкционировались со стороны бога, но преподносились и воспринимались в качестве его прямого волеизъявления. В этом и состоит основная «мировоззренческая идея» персов, свидетельствующая о том, что их восприятие закона принимало религиозную окраску; поэтому и наказание, и поощрение в рамках соблюдения *dāta*- представлялось исходящим от самого Ахурамазды.

Таким образом, термин *dāta*- относится не только к судебнo-административному положению дел в Ахеменидской империи, но и отражает религиозные и политико-идеологические представления Ахеменидов, в том числе, и связанные с восприятием ими идеи справедливости<sup>33</sup>. П. Бриан пишет о «монархической концепции справедливости»: «Каждый человек оценивается пропорционально тому, какую помощь и содействие он оказывает царским интересам» [Briant, 2002, p. 127], поскольку Дарий воздает по заслугам тому, кто «поступает неправильно», наказывает «приверженца лжи» и «того, кто причиняет вред» (DNb. §2c). Обращаясь к Накше-Рустамской надписи (DNb. §2b–e), Й. Визехёфер пишет о том, что Великий царь сам определяет, что является законом и справедливостью и обеспечивает торжество закона с помощью богов. Тем самым «процедура сотворения» закона приобретает коллективный характер, в соответствии с которым творцами выступают бог и царь, оказывая друг другу помощь и поддержку [Wiesehöfer, 2013, p. 43]. Таким образом, представляется возможным говорить о Завете бога царю и завещании царя своим будущим наследникам и верноподданным.

Итак, в основе царской *dāta*- лежал принцип справедливости, такой, каким его понимал сам Дарий. Все идеи, представляющие царя защитником справедливости, выражены в концентрированном виде во второй Накше-Рустамской надписи (DNb), которая в историографии иногда называется «завещанием» Дария I [Mitchell, 2015; Jonker, 2019, p. 27–31], и ретранслируются в надписи Ксеркса из Персеполя (XPl.):

*vašna A.uramazdāhā adam avākaram ami, taya raštam daušta ami, miša naṣ daušta ami; naṣmā kāma, taya skaṣṣaiš tunuvantahyā rādī miša kariyaṣ, naṣmā avā kāma, taya tunuvā skaṣṣaiš rādī miša kariyaṣ.*

Милостью Ахурамазды я таков, что правому я друг, причиняющему зло – недруг; нет у меня желания, чтобы слабому сильный причинял зло, нет у меня желания, чтобы сильному слабый причинял зло (DNb. §2a; XPl. §2a).

ряд», «молитва»), и означало обряд поклонения Ахурамазде. Исследователь переводит фразу *avanā dātā parīdi, taya A.uramazdā nīyaštāya, Auramazdām yadaṣṣā rīcā brastaniya* следующим образом: «Следуй тому закону, который установил Ахурамазда, почитай Ахурамазду с Артой, соблюдая обряд» [Боголюбов, 1966, с. 44].

<sup>32</sup> Кольцо и жезл в руках бога встречаются на изображениях из Месопотамии, только кольцо – на Сасанидских рельефах из Ирана. О значении кольца как символического выражения власти, которую бог дает правителю Ахеменидской империи см.: [Root, 1979, p. 174].

<sup>33</sup> Возникает вопрос, следовал ли Дарий I месопотамской традиции понимания справедливости (по-аккадски *mīšarum*, по-шумерски – *nīg-si-sá*), которая нашла отражение в обозначении рядом правителей своих указов как «законов о справедливости» (*dīnāt mīšarim*) и принятии титула «царь справедливости» (*šar mīšarim*) [Eph'al-Jaruzelska, 2020, p. 198–199]. О термине *mīšarum* в Месопотамии см.: [Lemche, 1979, p. 13–15]. Некоторые исследователи даже проводят параллели между законодательной деятельностью Дария I и Хаммурапи [Olmstead, 1948, p. 120–128; Démare-Lafont, 2006, p. 15–17]. Вопрос этот нуждается в отдельном исследовании для выявления влияния иранской и месопотамской традиций на понимание справедливости Дарием I, особенно в контексте правовой системы ахеменидской Вавилонии. Об этом см.: [Kleber, 2010].

*CAD – The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Vol. 1–20. Chicago: The Oriental Institute, 1956–2010.

HALOT – Koehler L. et al. *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament*. Vol. 1–2. Leiden; New York; Köln: E.J. Brill, 1994–2001.

RINBE – *The Royal Inscriptions of the Neo-Babylonian Empire*. Vol. 2. University Park, Pennsylvania: Eisenbaruns, 2020.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Боголюбов М.Н. Арамейская строительная надпись из Асуана. *Палестинский сборник*. 1966. Вып. 15(78). С. 41–46 [Bogolyubov M.N. Aramaic Building Inscription from Aswan. *Palestinian Collection*. 1966. Issue 15(78). Pp. 41–46 (in Russian)].

Дандамаев М.А., Луконин В.Г. *Культура и экономика древнего Ирана*. М.: Наука, 1980 [Dandamaev M.A., Lukonin V.G. *Culture and Economy of Ancient Iran*. Moscow: Nauka, 1980 (in Russian)].

Емельянов В.В. Идея вечного возвращения в шумерской культуре. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. Востоковедение и африканистика*. 2009. Вып. 2. С. 58–68 [Emelyanov V.V. The Idea of “Eternal Return” in Sumerian Culture. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 13. Asian Studies. African Studies*. 2009. Issue 2. Pp. 58–68 (in Russian)].

Лашкарбеков Б.Б. Рефлексы древнеиранского \*gatu-/ \*gaθu- ‘место, время’ в памирских языках и некоторых таджикских говорах. *Письменные памятники Востока*. 2014. №1(20). С. 58–63 [Lashkarbekov B.B. The Reflexes of the Old Iranian \*gatu-/ \*gaθu- ‘Place, Time’ in Pamiri Languages and Tadjik Dialects. *Written Monuments of the Orient*. 2014. No. 1(20). Pp. 58–63 (in Russian)].

Меликов Р. *Древнеперсидские надписи. Транслитерация, перевод, глоссарий*. Баку: Şərq-Qərb, 2013 [Melikov R. *Old Persian Inscriptions. Transliteration, Translation, Glossary*. Baku: “Şərq-Qərb”, 2013 (in Russian)].

Bartholomae C. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904.

Boyce M. Gāh. *Encyclopaedia Iranica*. 2000. Vol. 10. Fasc. 3. Pp. 253–254.

Briant P. *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2002.

Davis A.R. *Reconstructing the Temple. The Royal Rhetoric of Temple Renovation in the Ancient Near East and Israel*. Oxford: Oxford University Press, 2019.

De Blois F. “Place” and “Throne” in Persian. *Iran*. 1995. Vol. 33. Pp. 61–65.

Démare-Lafont S. *dātu ša šarri*. La «loi du roi» dans la Babylonie achéménide et séleucide. *Droit et Cultures*. 2006. Vol. 52. No. 2. Pp. 13–26.

Eph'al-Jaruzelska I. “Lightening the Yoke”: The Exercise of Power and Royal Legitimacy in the Ancient Near East. *Orientalia*. 2020. Vol. 89. No. 2. Pp. 196–238.

Finkel I. Transliteration of the Cyrus Cylinder Text. *The Cyrus Cylinder. The King of Persia's Proclamation from Ancient Babylon*. I. Finkel (ed.). London; New York: I.B. Tauris, 2013. Pp. 129–133.

Grilliot F, Harrenschmidt K, Labat F. La Version Elamite de la Trilingue de Behistun: un Nouvelle Lecture. *Journal Asiatique*. 1993. Vol. 281. No. 1–2. Pp. 19–59.

Hallock R.T. *Persepolis Fortification Tablets*. Chicago: University Press, 1969.

Herzfeld E. *A New Inscription of Xerxes from Persepolis*. Chicago: The University of Chicago Press, 1932.

Herzfeld E. *Altpersische Inschriften*. Berlin: Verlag von Dietrich Reimer, 1938.

Jonker L.C. Achaemenid Understanding of Law and Justice in Darius I's Tomb Inscriptions: Are There Any Connections with Hebrew Bible Pentateuchal Conceptions? *Scandinavian Journal of the Old Testament*. 2019. Vol. 33. No. 1. Pp. 24–41.

Kent R.G. More Old Persian Inscriptions. *Journal of the American Oriental Society*. 1934. Vol. 54. No. 1. Pp. 34–52.

Kent R.G. *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven: American Oriental Society, 1950.

King L.W., Thompson R.C. *The Sculptures and Inscription of Darius the Great on the Rock of Behistūn in Persia*. London: Oxford University Press, 1907.

Kleber K. *dātu ša šarri*: Gesetzgebung in Babylonien unter den Achämeniden. *Zeitschrift für Altorientalische und Biblische Rechtsgeschichte – Journal for Ancient Near Eastern and Biblical Law*. 2010. Vol. 16. S. 49–75.

Lemche N.P. *Andurārum and Mišarum*: Comments on the Problem of Social Edicts and Their Application in the Ancient Near East. *Journal of Near Eastern Studies*. 1979. Vol. 38. No. 1. Pp. 11–22.

Lecoq P. *Les inscriptions de la Perse achéménide*. Paris: Gallimard, 1997.

Lincoln B. *Happiness for Mankind: Achaemenian Religion and the Imperial Project*. Leuven: Peeters Publishers, 2012.

MacGinnis J. A Judgement of Darius the King. *Journal of Cuneiform Studies*. 2008. Vol. 60. Pp. 87–99.

Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Bd. I. Heidelberg: Carl Winter – Universitätsverlag, 1992.

Malbran-Labat F. *La version akkadienne de l'inscription trilingue de Darius à Behistun (Documenta Asiana I)*. Roma: Gruppo editoriale internazionale, 1994.

Mitchell C. The Testament of Darius (DNA/DNb) and Constructions of Kings and Kingship in 1–2 Chronicles. *Political Memory in and after the Persian Empire*. SBL Ancient Near East Monographs 13. Ed. by J.M. Silverman, C. Waerzeggers. Atlanta: SBL Press, 2015. Pp. 363–380.

Olmstead A.T. *History of the Persian Empire*. Chicago: The University Chicago Press, 1948.

Pirngruber R. Jurisdiction. *A Companion to the Achaemenid Persian Empire*. Vol. I–II. Ed. by B. Jacobs, R. Rollinger. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc, 2021. Pp. 1087–1096.

Root M.C. *The King and Kingship in Achaemenid Art. Essays on the Creation of an Iconography of Empire*. Leiden: E.J. Brill, 1979.

Schaudig H. The Text of the Cyrus Cylinder. *Cyrus the Great. Life and Lore*. Ed. by R. Shayegan. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2019. Pp. 16–21.

Schmitt R. *The Bisitun Inscriptions of Darius the Great. Old Persian Text*. London: School of Oriental and African Studies, 1991.

Schmitt R. Dāta. *Encyclopaedia Iranica*. 1994. Vol. VII. Fasc. 1. Pp. 114–115.

Schmitt R. *The Old Persian Inscriptions of Naqshi-Rustam and Persepolis*. London: School of Oriental and African Studies, 2000.

Schmitt R. *Die altpersischen Inschriften der Achämeniden. Editio minor mit deutscher Übersetzung*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2009.

Schmitt R. *Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2014.

Schweiger G. *Kritische Neuedition der Achaemenidischen Keilinschriften*. Bd. 1–2. Teimering: Schweiger WWT-Verlag, 1998.

Steve M.-J. Inscriptions des Achéménides a Suse (Fouilles de 1952 à 1965). *Studia Iranica*. 1973–1974. Vol. 3. Pp. 7–25.

Steve M.-J. *Ville Royale de Suse. Vol. 7. Nouveaux mélanges épigraphiques: inscriptions royales de Suse et de la Susiane*. Nice: Editions Serré, 1987.

Tavernier J. *Iranica in the Achaemenid Period (ca. 550 – 330 B.C.). Lexicon of Old Iranian Proper Names and Loanwords, Attested in Non-Iranian Texts*. Leuven; Paris; Dudley, MA.: Peeters, 2007.

Vallat F. The Main Achaemenid Inscriptions of Susa. *The Palace of Darius at Susa. The Great Royal Residence of Achaemenid Persia*. Ed. by J. Perrot. London; New York: I.B. Tauris, 2010. Pp. 281–295.

Voigtlander E. *The Bisitun Inscription of Darius the Great. Babylonian Version*. London: Lund Humphries, 1978.

Westbrook R. The Character of Ancient Near Eastern Law. *A History of Ancient Near Eastern Law*. Ed. by R. Westbrook. Boston; Leiden: Brill, 2003. Pp. 1–90.

Wiesehöfer J. Gerechtigkeit und Recht im achaimenidischen Iran. *Recht und Religion. Menschliche und göttliche Gerechtigkeitsvorstellungen in den antiken Welten*. Ed. by H. Barta, R. Rollinger, M. Lang. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2008. S. 191–203.

Wiesehöfer J. Law and Religion in Achaemenid Iran. *Law and Religion in the Eastern Mediterranean: From Antiquity to Early Islam*. Ed. by A.C. Hagedorn, R.G. Kratz. Oxford: Oxford University Press, 2013. Pp. 40–57.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ИСАКОВА Алина Сергеевна – студент  
Института международных отношений,  
кафедра всеобщей и публичной истории  
Института международных отношений  
Казанского (Приволжского) федерального  
университета, Казань, Россия.

Alina S. ISAKOVA, Student, Institute of  
International Relations, Kazan Federal University,  
Kazan, Russia.

РУНГ Эдуард Валерьевич – доктор  
исторических наук, профессор, заведующий  
кафедрой всеобщей и публичной истории  
Института международных отношений  
Казанского (Приволжского) федерального  
университета, Казань, Россия.

Eduard V. RUNG, DSc (History), Professor,  
Institute of International Relations, Kazan Federal  
University, Kazan, Russia.